
Kipling R. The Naulahka -- A story of West and East (1892)

Киплинг Р. Собрание сочинений в 6 т.

М., ТЕРРА, 1996. -- 607 с.

Том 1, с. 335-576.

Перевод А. П. Репиной.

OCR: sad369 (6.01.2006).

I

Освещенный луной, Никлас Тарвин сидел на не обнесенном перилами мосту через ирригационный канал выше Топаз и болтал ногами над водой. Сидевшая рядом с ним смуглая, маленькая женщина с печальными глазами спокойно смотрела на луну. У нее был загар девушки, не обращающей внимания на ветер, дождь и солнце, а глаза ее были полны той постоянной, неисходной меланхолии, которая присуща глазам, выдавшим большие горы и моря, равнины и заботы, и жизнь. Женщины Запада прикрывают такие глаза руками при закате солнца, когда стоят у дверей хижин в ожидании своих мужей, глядя на холмы или равнины без травы, без леса. Тяжелая вообще жизнь бывает всегда еще более тяжелой для женщин.

С тех пор как Кэт Шерифф научилась ходить, она жила, повернув лицо к западу и устремив мечтательные глаза в страну пустыни. Вместе с железной дорогой она продвигалась по этой пустыне. Пока она не поступила в школу, ей приходилось жить в таком месте, откуда железная дорога расходилась бы в обе стороны. Часто она со своей семьей останавливалась на законченном участке железной дороги достаточно долго для того, чтобы видеть первые проблески зари цивилизации, поддерживаемые обыкновенно светом электричества, но в новых и все более новых странах, где из года в год требовалось инженерное искусство ее отца, не бывало даже фонарей. Была приемная в палатке, был дом в районе участка строившейся дороги, в котором они жили сами и куда мать Кэт брала иногда жильцов из служащих ее мужа. Но не одна только окружавшая ее обстановка помогла развитию меланхолии в молодой двадцатитрехлетней девушке, которая сидела рядом с Тарвином и только что мягко призналась ему, что он нравится ей, но долг призывает ее в другое место.

В коротких словах она рассказала ему, что долг этот повелевает ей провести жизнь на Востоке и попытаться улучшить положение женщин в Индии. Решение это появилось у нее в момент вдохновения и приняло форму повеления свыше два года тому назад, в конце ее двухгодичного пребывания в школе в Сан-Луи, куда она отправилась, чтобы связать обрывки образования, которого ей не удалось достичь на уединенных стоянках.

Миссия Кэт открылась ей в один апрельский день, согретый и освещенный лучами солнца при первом дуновении весны. Зеленые деревья, наливающиеся почки, солнечный свет -- все манило ее на свежий воздух, а между тем ей предстояло слушать лекцию об Индии, которую должна была прочесть женщина-индуска. Ускользнуть ей не удалось, так как лекция входила в круг ее школьных занятий, и она вынуждена была выслушать отчет Пундиты Рамабаи о грустном положении ее сестер на родине. История была душераздирающая, и девушки, сделав пожертвования, которые просили у них в странных выражениях, разошлись примолкшие или испуганные -- смотря по характеру -- и перешептывались о слышанном в коридорах, пока чье-то нервное хихиканье не нарушило напряженного состояния, и не началась обычная болтовня.

Кэт шла, словно паря над землей, как человек, на которого снизошел Дух, с глазами, устремленными внутрь себя, с пылающими щеками. Она пошла в сад при школе и там, вдали от всех, стала ходить по окаймленным цветами дорожкам, взволнованная, счастливая, уверенная в себе. Она обрела себя. Знали это цветы, знали деревья с нежными листьями; узнало это и яркое небо. Голова у нее была поднята высоко; ей хотелось танцевать и -- еще более -- плакать. Сердце учащенно билось; горячая кровь пела в жилах. Временами она останавливалась и глубоко вдыхала свежий воздух. В эти мгновения она словно давала обет посвятить себя служению.